

4P
T67

26/—

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

ТРИГУБ ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА

Оттопонимическое словообразование
(адъектонимы)
в русской деловой письменности
XIV—XVII вв.

10. 02. 01—русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

КИЕВ — 1978

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313968

Работа выполнена в Киевском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького

- Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор М. А. Брицын
- Официальные оппоненты — доктор филологических наук,
профессор В. А. Горпинич
— кандидат филологических наук,
доцент М. Я. Плющ
- Ведущая организация — Одесский государственный
университет им. И. И. Мечникова,
кафедра русского языка

Защита состоится « 10 » ноября 1978 г. в 14 часов на заседании специализированного совета К 113. 01.03. в Киевском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького (252030, г. Киев, ул. Пирогова, 9).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Автореферат разослан « 9 » октября 1978 г.

Ученый секретарь специализированного
совета

доц. М. Я. Плющ.

Актуальность темы. Глубокое изучение общезыковой системы, ее истории и основных закономерностей неизбежно требует выделить отдельные, сравнительно узкие аспекты исследования. Одним из таких аспектов является словообразование оттопонимических производных, в частности, адъективов (оттопонимических прилагательных).

Адъективы, указывающие на отношение к населенному пункту, наряду с топонимами и катойконимами (названиями жителей) искони составляют в языке одну из самых многочисленных групп. Ю. А. Карпенко отмечает, что от каждого топонимического названия образуется производная форма прилагательного*.

Оттопонимические прилагательные представляют собой определенную группу слов в языке. Это связано с тем, что адъективы являются дериватами от производящих основ особой природы и функции — топонимов. Семантические связи оттопонимических прилагательных с мотивирующими топоосновами всегда имеют одно выражение: указание на признак того, о чем говорится в мотивирующей основе.

По своему значению и грамматическим признакам адъективы являются относительными прилагательными. Специфика оттопонимических прилагательных как лексических единиц заключается в том, что они не имеют и не могут иметь синонимических соответствий. В то же время адъективы являются единственно возможными компонентами многих общественных и бытовых реалий. Поэтому особое значение приобретает изучение их словообразования, обладающего рядом отличительных признаков.

Изучение исторического словообразования адъективов XIV—XVII вв. вызвано необходимостью установить закономерности развития словообразовательной системы оттопонимических прилагательных периода, непосредственно предшествующего образованию русского национального языка и совпадающего с начальным этапом его развития, т. е. периода формирования и начального становления норм русского языка, в том числе и словообразовательных в области оттопонимических прилагательных. Кроме то-

---

* Карпенко Ю. О. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови. Чернівці, 1962, с. 6.

го, современная система адъектонимического словообразования полностью и глубоко осмысливается только при историческом изучении его. Ф. Энгельс писал: «Материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие»*.

Актуальность рассматриваемой темы связана и с недостаточной изученностью ее в лингвистике как в синхронном, так и в диахронном плане. Цели и задачи исследования состоят в том, чтобы описать словобразовательную систему адъектонимов языка великорусской народности XIV—XVII вв. по памятникам деловой письменности, определить ее специфику в рассматриваемый период, выявить закономерности образования оттопонимических прилагательных от одночленных и многочленных топонимов, от топонимов исконных по происхождению и субстратных или с субстратными формантами, проанализировать средства адъектонимического словообразования, их продуктивность и регулярность, описать модели оттопонимических прилагательных, определить зависимость выбора модели от структуры топонимической финали.

Методологическая основа исследования. При изучении истории русского языка мы исходим из марксистско-ленинского понимания языка как общественного явления. В основе работы лежит марксистско-ленинский диалектико-материалистический метод.

Теоретической основой исследования явились работы советских лингвистов Н. Д. Арутюновой, В. А. Горпинича, Л. Л. Гумецкой, Е. А. Земской, Ю. А. Карпенко, И. И. Ковалика, В. В. Лопатина, А. К. Матвеева, В. Н. Немченко, В. А. Никонова, А. В. Суперанской, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского по различным проблемам словообразования, в том числе и адъектонимического.

В работе применяется описательный метод исследования, широко используются статистические данные, позволяющие более четко продемонстрировать выдвигаемые положения.

Источниковедческая база работы. Изучение истории развития русского языка ведется главным образом на основе перекрестного изучения языка памятников письменности и современных русских говоров. Материалом для нашего исследования послужили памятники письменности делового характера XIV—XVII вв.

Выбор письменных памятников ограничивался, во-первых, хронологически. Анализировались тексты, написанные в XIV—XVII вв. Данный период характеризуется формированием великорусской

---

* Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1948. с. 303.

народности и ее языка, развившимся, наряду с украинским и белорусским, из древнерусского. Во-вторых, исследуемый материал ограничивался территориально. Великорусская народность сформировалась на северо-востоке Руси в отличие от Западной Руси и Южной Руси, где складывались украинская и белорусская народности. В-третьих, выбор текстов был произведен с учетом принадлежности к официально-деловому стилю. В основном, это — акты, грамоты, писцовые книги, сравнительно реже привлекаются тексты летописей.

Всего в работе проанализировано более 10 тысяч адъективных и их производящих основ — топонимов, зафиксированных в 47 письменных памятниках языка великорусской народности XIV—XVII вв.

Научная новизна. В работе впервые предпринята попытка описать словообразовательную систему адъективных языка великорусской народности XIV—XVII вв., определить ее специфику. Оттопонимические прилагательные, произведенные от названий населенных пунктов, расположенных на территории Среднего Приднепровья (период Киевской Руси), были аспектом исследования*; в данной работе анализируются адъективы, образованные от топонимов, находящихся на обширной территории великорусской народности XIV—XVII вв. (московский период). Топонимия разных территорий отличается и по словообразовательным моделям, и по источникам, легшим в основу номинации. Расширение территории исследования повлекло за собой включение в анализ новых структурных типов производящих основ (топонимов) и производных от них, не зафиксированных в памятниках древнерусского языка. В работе впервые рассматриваются модели оттопонимических прилагательных от субстратных топонимов и топонимов с субстратными топоформантами. Сделана попытка выявить специфику образования адъективов от данной группы топонимов.

Теоретическое и практическое значение работы. В теоретическом плане данная работа способствует более глубокому раскрытию и освещению закономерностей становления и развития системы адъективов в истории русского языка. Материалы диссертационной работы могут найти практическое применение в вузовских курсах лекций по современному русскому языку, исторической грамматике, на практических занятиях по названным дисциплинам и в спецкурсах, при написании курсовых и дипломных работ. Кроме то-

---

* См. Горпинич В. А. Словообразование прилагательных и названий жителей в восточнославянских языках. Канд. дисс., Глухов, 1965.

го, исследуемые материалы могут быть использованы при составлении словаря топонимов и производных от них адъективных языков великорусской народности XIV—XVII вв.

Апробация работы. Результаты исследований, выполненных по теме реферируемой работы, докладывались и обсуждались на ежегодных внутривузовских отчетных научных конференциях в Николаевском государственном педагогическом институте им. В. Г. Белинского (1971—1977 гг.), в Киевском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького (1976—1978 гг.), на межвузовской научной конференции по вопросам восточнославянского именного словообразования, проходившей в г. Запорожье (1974 г.), на пятой ономастической межвузовской научной конференции по проблемам развития ономастики Южной Украины, проводившейся в г. Запорожье (1975 г.).

Основные положения и результаты диссертационной работы апробированы в 4 публикациях: три статьи и тезисы, список которых приведен в конце автореферата.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных обозначений источников, списка использованной литературы.

Во введении определяется актуальность избранной темы, цель и задачи реферируемой работы, называются методологическая и теоретическая основы, методы исследования, раскрыта источниковедческая база, определены хронологические рамки темы диссертации, отмечается новизна исследования, теоретическая и практическая значимость его, апробация и структура работы.

Здесь же освещаются некоторые теоретические вопросы адъективного словообразования, в частности, доказываются необходимость определения словообразовательного типа адъективных по фонемной структуре производящей основы и словообразующего суффикса* в отличие от формально-семантической схемы, принятой в ряде работ по словообразованию. Термин «модель» используется для обозначения морфологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа**.

Словообразовательная модель оттопонимических прилагательных характеризуется, с одной стороны, морфемной структурой то-

---

* См. Ковалик І. І. Питання слов'янського іменникового словотвору, ч. І, Львів, 1958, с. 8.

** Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 192.

понима, фонемной структурой топоформанта, характером производящей основы, особенностями падежных окончаний топонима, с другой стороны, — образующим суффиксом, фонемными изменениями, происходящими на границе производящей топоосновы и образующего суффикса прилагательного*.

Данное теоретическое положение обусловило построение диссертационной работы.

Первая глава — «Структурные модели топонимов в деловой письменности русского языка XIV—XVII вв.» — посвящена изучению первой стороны словообразовательной модели адъектонимов Русского государства XIV—XVII вв. В ней рассматриваются вопросы о структурной классификации топонимов (классификация по суффиксам) и ее значение для образования прилагательных; о структурных типах финалей одночленных топонимов и их влиянии на ход образования адъектонимов; о региональной распространенности основных структурных моделей топонимов.

Структура топонимов рассматриваемой эпохи разнообразна. Их условно можно разделить на одночленные и многочленные дериваты. В количественном отношении первая группа преобладает, составляя около 88%. Анализ механизма создания адъектонимов показывает, что в образовании оттопонимических прилагательных определяющую роль имеет структурная классификация топонимов по формантам. Такая классификация позволяет проследить обусловленность и зависимость выбора модели адъектонима, словообразующего суффикса, морфонологических процессов, протекающих на морфемном шве топооснова — адъектонимический суффикс, от структурного типа топонима. В работе различаются одночленные бессуффиксные топонимы, топоосновы, в составе которых вычленяется топоформант (суффикс), сложные со вторым корнем -град, -город.

Бессуффиксные названия населенных пунктов в топонимиконе XIV—XVII вв. составляют менее 10%. Среди них выделяются топонимы-имена существительные в форме единственного и множественного числа: с. Мыт (XVI, Б, 81), д. Нивы (XVI, АФХЗ, III, 39). Определенный пласт здесь составляют субстратные по происхождению топонимы: г. Кола (XVII, АИ, III, 49). Как известно, великорусская народность формировалась на той территории, где ранее жили различные восточнославянские племена и народы других

---

*Горпинич В. О. Територіально-діалектні особливості словотвору відтопонімічних прикметників в українській мові. — В кн.: Праці XII республіканської діалектологічної наради. АН УРСР, К., «Наукова думка», 1971, с. 233.

языковых систем и где наблюдались процессы смешения разноязычного населения, преимущественно восточнославянского и финского происхождения.

Одна из характерных особенностей русского топонимикона XIV—XVII вв. состоит в том, что словообразовательный тип бессуффиксных топонимов-имен существительных малопродуктивен, но регулярен, что говорит о его продуктивности в более ранний период.

На территории великорусской народности XIV—XVII вв. встречаются также бессуффиксные топонимы-субстантивированные имена прилагательные в единственном и множественном числе (качественные и относительные). Первоначально они указывали на цвет, время заселения, размер населенного пункта, место расположения, внешний вид и другие качественно-оценочные признаки: д. Старое (XV, ДДГ, 402), д. Глухая (1588, ПКМГ, 1, 1277).

В русском топонимиконе рассматриваемого периода представлены группы непродуктивных префиксальных и префиксально-суффиксальных дериватов. По способу образования — это самостоятельные типы топонимов*. В адъектонимическом же словообразовании, выступая в качестве производящей основы оттопонимических прилагательных, данные группы объединяются соответственно с бессуффиксными и суффиксальными топонимами, т. е. приставки, входящие в состав производящей топоосновы, не влияют на образование оттопонимических прилагательных, а фонемное выражение финалей топооснов данных групп совпадает.

Различаем два типа финалей в топоосновах: корневой и суффиксальный.

В корневом наиболее значительную группу (свыше 91,7%) составляют топоосновы с финалью VC** : с. Пруды (1639, АМГ, II, 108), г. Тверь (1646, АХМ, 1, 10), д. Поджар (XVI, ПКМГ, 1 156), с. Белое (XVII, АИ, IV, 319). Вторая группа представлена топоосновами с финалью CC, где CC может быть сочетанием как двух сонорных, так и двух шумных или шумного с сонорным: г. Чернь (1636, АМГ, II, 32), д. Переезд (XVII, АИ, III, 180), с. Доброе (XV, МЛС, 106). Топоосновы третьей группы, имеющие в финали сочетание трех согласных (ССС), единичны: д. Быстр (1495, НПК, 407). Корневой тип финали имеет одинаковое фонемное выражение у исконных по происхождению и субстратных топооснов.

* Карпенко Ю. А. Топонимия Буковины. Автореф. докт. дисс., К., 1967, с. 20.

** Здесь и далее символ V обозначает гласный (vocales), C — согласный (consonans, consonantis).

Самую многочисленную группу в топонимиконе великорусской народности XIV—XVII вв. составляют топонимы, образованные суффиксацией. В суффиксальных дериватах различаются топонимы на -ов- (-ев-), -ин-, -j-, -ск-(-цк-), -н-(ый, ая, ое, о, а, ы), -ец-, -иц-а, -ц-о(-ц-е), иц-ы, -ц-ы, -ок-, -ик-, -к-а, -к-и, -ич-и, -ч-, -ищ-(е а, о, и), -их-а, -уш-а, -ух-а, -щин-а. Наряду с исконно русскими топоформантами на исследуемой территории представлены топонимы с субстратными топоформантами -ма, -га, -ва, -да, -ба, -та, -ла, -ша, -жа, -са, -уй (-ой) и другие. Адъектонимы от данной группы топонимов не были еще объектом специального системного исследования.

Расширение территории исследования повлекло за собой включение в анализ новых структурных типов суффиксальных топонимов и производных от них прилагательных, не зафиксированных в памятниках древнерусского языка. Так, если памятники письменности фиксируют 309 наименований, которые носили населенные пункты Киевской Руси до нашествия татар, то материал письменных памятников языка великорусской народности XIV—XVII вв. дает до десятка тысяч топонимов и производных от них прилагательных. Причем различия в сравниваемых топонимиконах касаются не только количественной стороны, но и качественной, т. к. топонимикон Русского государства XIV—XVII вв. представлен большим количеством суффиксальных структурных моделей топонимов. Этот вывод вытекает из сопоставления анализируемого материала и данных, приводимых И. С. Козыревым в статье «О названиях населенных пунктов» («Русская речь», 1973, № 3, с. 135), где автор в суффиксальных дериватах различает топонимы на -ов-(-ев-), -ин-, -j-, -ск-, -ец-, -иц-ы, -ич-и, -иц-а, -ен-, -н-а.

В 1 главе реферируемой работы проводится анализ топоформантов: определяется их происхождение, продуктивность, частотность, территориальная распространенность.

В исконном и субстратном по происхождению суффиксальном типе финали различаем группы, имеющие фонемное выражение: VC (-ов-(-ев-), -ин-, -ец-, -иц-а, -иц-ы, -ок-, -ич-и, -ич-, -иц-, -их-а, -уш-а, -ух-а; -ога, -ега, -юга, -нога, -уй, -ей); C (-j-, -н-, -ц-е, -ц-ы, -к-а, -к-и; -ма, -ла, -ра, -жа, -ша, -ба, -за, -да, -ва, -та); CC (-ск-(-цк-); -ньга, -арга, -мга, -ейга, -рга). Сопоставительный анализ показывает однородность фонемного выражения исконных и субстратных суффиксальных финалей. В исконных наиболее частотна финаль с фонемным выражением VC, а в субстратных — C.

В производящих суффиксальных топоосновах соответственно различаются структурные типы: VC (основы с исконными, субстратными топоформантами, имеющими фонемное выражение VC:

д. Юдино (1610, ЮШ, 306), д. Волкуша (1600, АФЗХ, III, 234), г. Молсга (XVII, АИ, III, 13), д. Варзуга (1578, ААЭ, I, 263); субстратными формантами, выраженными согласным (С), с предшествующим гласным: с. Райбала (XV, АЮ 273), д. Лобожа (XVI, АИ, II, 74); СС (основы с ископными и субстратными формантами, которые имеют выражение С и находятся в топооснове после согласного: г. Судиславль (1572, ДАИ, I, 387), д. Рокса (1599, ФЧ, 244), с. Чаронда (1592, ААЭ, I 431); -цк-, которому в топооснове всегда предшествует гласный: г. Полоцк (XV, РЛ, 19); ССС (топоосновы на -ск-, которому всегда предшествует согласный: с. Локотск (XV, МЛС, 312); субстратные топоформанты, выраженные согласным (С), имеющие в препозиции сочетание двух согласных: д. Ешта (1595, ПКМГ, I, 598), с. Ворсма (1609, ААЭ, II, 204), с. Кистра (1648, АМГ, II, 229), д. Шорква (1608, АВШ, 271); СССС (топоосновы с субстратными формантами, выраженными согласным (С), имеющими в препозиции сочетание трех согласных: д. Хверства (1539, НПК, IV 282).

В топонимиконе XIV—XVII вв. многочленные названия населенных пунктов составляют 12%. В них различаем топонимы двух-, трех- и четырехчленные.

Наиболее многочисленны двучленные образования, в которых можно выделить четыре основные модели: а) словосочетания с прямым порядком слов и атрибутивными отношениями между ними: д. Красный бор (1580, АС, I, 575); б) словосочетания с атрибутивными отношениями, но обратным порядком слов: д. Жикловичи задние (1498, НПК, IV, 221); в) словосочетания двух существительных, представляющие собой генетивные конструкции со значением принадлежности: д. Бориса Купцова (1608, АВШ, 300); г) словосочетания из двух существительных: п. Троицы-Могилницы (1696, УА, 201). Топонимы трех- и четырехчленные в зависимости от структуры подразделяются на ряд групп: д. Ековинская Тимофея Вилеженина (1608, АВШ, 276), д. Малиновые Веретей Волковых (1563, УА, 127), д. Старое Малое Харланово (1562, ИАЯМ, I, 33); д. Кононвская Николы Чудотворца Великорецкого (1608, АВШ, 231).

Анализируются топонимы-предложные конструкции, среди которых различаются одночленные, двучленные, трехчленные, четырехчленные предложные образования: д. Подо Мхом (1495, НПК, I, 172), д. У Великого Камени (1555, ДАИ, I, 121), д. Погосте против часовни (1498, НПК, IV, 77), д. Скалзубово над Чистым болотом (XVII, АИ, III, 180), поч. Дубовая Рамень под Круглым мхом (1539, ПКМГ, I, 42), д. Земное Благовещенского дьякона Филиппа с Городища (1495, НПК, II, 557). Особенностью

топонимикона XIV—XVII вв. являются топонимы в форме двойных, тройных и более предложных конструкций: д. В Юрьевичах у часовни (1610, ААЭ, II, 272), д. В губе на нивнице за селгою (1671, АЮБ, II, 235).

В названных многочленных топонимах рассматривается структура составляющих компонентов, характер и степень связи между компонентами.

Во второй главе — «Оттопонимические прилагательные в русской деловой письменности XIV—XVII вв.» — рассмотрены вопросы о средствах адъективного образования, их продуктивности и регулярности, о моделях оттопонимических прилагательных XIV—XVII вв., о зависимости выбора модели от структуры топонимической финали, о региональной распространенности моделей адъективов, о закономерностях образования адъективов от многочленных топонимов.

Оттопонимические прилагательные образуются присоединением суффиксов -ск-, -овск- (-евск-), -инск-, -енск-, -анск-, -еск-, которые язык великорусской народности усвоил из древнерусского языка, не расширив их круг на собственно русской почве. В адъективных суффиксах различаем простой суффикс -ск-, сложные -овск- (-евск-), -инск-, -енск-, -анск-, усложненный — -еск-. Данные словообразующие суффиксы по значению не различаются. Один от другого они отличаются только структурой, функциональными особенностями и морфонологическими связями*.

Сложный и усложненный суффиксы представляют собой один неприкрытый слог. Простой же суффикс -ск- с падением редуцированного (-ьск-) перестал быть слогом, представляя собой сочетание двух согласных. Фонемная структура простого, усложненного и сложных суффиксов различна. Выбор фонемной структуры словообразовательного суффикса зависит от особенностей фонемной структуры производящих основ (топонимов). В свою очередь, фонемная структура словообразовательного суффикса и фонемная структура производящей основы обуславливают ту или иную адъективную модель.

Производящие суффиксы характеризуются с точки зрения продуктивности, частотности и анализируются в порядке убывания. Более 87% всех адъективов от одночленных топонимов создано простым высокопродуктивным суффиксом -ск-. Словообразующий суффикс -ск- (СС) без каких-либо структурно-деривационных затруднений присоединяется к производящим топоосновам с корне-

---

* Ковалик І. І. Питання іменникового словотвору східнослов'янських мов у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. Докт. дисс., Київ—Львів, 1960, с. 38.

вым или суффиксальным типом финали ВС. Сочетание трех согласных на морфемном шве не противоречит фоно-орфоэпическим нормам русского языка. При образовании адъектонимов от производящих топооснов структурного типа СС на морфемном шве появляется стечение четырех согласных. Единичны примеры производных, сохраняющих эти звукосочетания. Причем обязательным в них является наличие одного-двух сонорных: с. Кормы-кормские (1543, Лих., 205). Чаще же на морфемном шве происходят процессы, устраняющие стечение более трех согласных (элизия, фузия, появление беглых гласных О, Е).

В деловой письменности языка великорусской народности XIV—XVII вв. сложные суффиксы образуют около 13% адъектонимов. Несмотря на незначительный процент в адъектонимическом образовании, они имеют определенное преимущество: способность сочетаться с топоосновами любой фонеморфемной структуры, не вызывая фонетико-морфологических изменений в производящей основе. Так, сложные суффиксы участвуют в образовании оттопонимических прилагательных от производящих основ структурного типа СС и ССС, устраняя не присущие русскому языку сочетания 4—5 согласных на морфемном шве: д. Яковцы-яковцовские (1478, АСВР, I, 356), г. Селенга-селенгинский (1681, АИ, V, 103), д. Сярта-сяртенское (1640, ФЧ, 376), д. Ухра-ухрянские (1514, ЮШ, 79), с. Волста-волстенский (1594, ПКМГ, I, 749).

Словообразовательный анализ адъектонимов подводит к выводу, что выбор образующего суффикса зависит также от количества слогов, входящих в производящую основу. Основная масса оттопонимических прилагательных от односложных производящих основ образована суффиксами -овск-(-евск-), -инск-, -енск-, примеры же адъектонимов с суффиксом -ск- от данных основ — единичны.

Хронологический анализ сложных суффиксов -овск-(-евск-), -инск-, -енск- показывает, что наибольшая продуктивность их приходится на XVI, XVII вв.

Рассматривается круг топооснов, сочетающихся со сложными суффиксами.

Сочетание морфем (производящих основ и словообразующих суффиксов) происходит не произвольно. Употребление того или иного суффикса ограничено характером производящей основы, фонетическим оформлением финали производящей топоосновы.

Словообразующий суффикс и морфонологические процессы на морфемном шве дифференцируют структуру моделей. В деловой письменности языка великорусской народности зафиксировано 11 структурных моделей адъектонимов. Каждая из них противопостав-

лена другим по одному или двум признакам. Выделяем пять пар моделей, где каждая пара отличается от другой суффиксом. Так, первая пара имеет производящий суффикс -ск-, вторая — -овск- (-евск-), третья — -инск-, четвертая — -енск-, пятая — -анск-. Модели, составляющие пару, т. е. объединенные одним словообразующим суффиксом, различаются наличием или элизией топоформанта. Оттопонимические прилагательные образуются от 36 структурных типов топонимов по 11 структурным моделям и составляют систему моделей адъектонимов XIV—XVII вв. Эта система должна быть представлена 396 реализациями (т. е. $36 \times 11 = 396$). Однако ни от одного структурного типа топонимов адъектонимы не образуются по 11 моделям. Наибольшее количество моделей — 7 — различаем в оттопонимических прилагательных от топонимов с формантом -н-, по 6 моделям образуются адъектонимы от 4 структурных типов. Адъектонимы, созданные по 3 моделям, фиксируются от самого большого количества структурных типов названий населенных пунктов — 9. По одной только модели образуются оттопонимические прилагательные от четырех структурных типов топонимов. Поэтому система оттопонимических прилагательных XIV—XVII вв. насчитывает всего 127 реализаций, т. е. только третью часть от абсолютного числа реализаций. В свою очередь, регулярность и продуктивность моделей оттопонимических прилагательных различна от разных структурных типов названий населенных пунктов.

Изучаемый материал показывает, что наибольшее количество реализаций в рассматриваемый период имеет М—1. Как свидетельствуют письменные памятники древнерусского языка, в XI—XIV вв. это была почти единственная адъектонимическая модель, что полностью удовлетворяла потребности оттопонимического словообразования*. По этой модели образуются адъектонимы почти от всех структурных типов топонимов: одночленных бессуффиксных (имен существительных и субстантивированных прилагательных в единственном и множественном числе), одночленных суффиксальных на -ов- (-ев-), -ин-, -ј-, -ск- (-цк-), -н- (ъ, а, о, ы, ый, ая, ое, ые), -ец-, -иц-а, -ц-е (-ц-о), -ц-ы, -иц-ы, -ок-, -ик-, -к-а, -к-и, -ич-и, -ч-, -ищ- (е, о, а, и), -их-а, -ух-а, уш-а, -га, -ма, -са, -ла, -ра, -да, -ша, -жа, -ба, -ва, -та, -уй- (-ой), топооснов со вторым корнем -град, -город. Регулярно реализуется М—1 от одночленных суффиксальных топонимов. В топоосновах с разными формантами регулярность рассматриваемой модели различна. Для топонимов на

---

* Горпинич В. О. Відтопонімі прикметники в українській мові (питання теорії і історії словотвору). К., «Вища школа», 1976, с. 19.

-ух-а, -уш-а М-1 в исследуемый период является единственной. Высокочастотна М—1 от топооснов с формантами -ик- (99,5%), -ин- (98,6%), -ов- (98,0%), -ск-(-цк-) — 97,6%. Высокую регулярность эта модель имеет также от топонимов на -ма (99,8%), -жа (99,6%), -ба (99,5%), -ра (99,0%), -ла (98,0%), этимологически восходящих к заимствованным формантам. Наименьшее количество реализаций М-1 имеет от топонимов на-к-а (5,7%).

В XIV—XVII вв. от основной массы одночленных бессуффиксных топонимов адъектонимы производились по М-1 (от существительных — 53,7%, субстантивированных прилагательных — 95,0%). М-1 является единственной для сложных топонимов со вторым корнем -град, -город.

Способ соединения морфем в М-1 — агглютинация и фузия.

Проследив регион распространения, можно сделать вывод, что М-1 продуктивна и частотна на всей территории великорусской народности XIV—XVII вв.

М-2 отличается от М-1 элизией топоформанта. Реализуется М-2 не от всех структурных типов топонимов. Не образуются адъектонимы XIV—XVII вв. по этой модели от одночленных бессуффиксных топонимов. В М-2 производящей основой может быть только основа производная, т. е. вычленяющая топоформант (суффикс). Основным способом соединения морфем в М-2 является агглютинация (87,7%), фузия фиксируется реже (12,3%).

М-2 адъектонимов XIV—XVII вв. обнаруживается от топонимов с формантами -ов-(-ев-), -ин-, -j-, -н-(а, о), -ец-, -иц-а, -ц-е (-ц-о), -ц-ы, -иц-ы, -ок-, -ик-, -к-а, -к-и, -ич-и, -ч-, -ищ-, -щин-а, -га, -да, -ва.

В исследуемый период М-2 является высокочастотной для топонимов с формантом -щин-а (100%), -к-а (90,5%). Менее регулярна эта модель для топооснов на -ич-и (46,7%), -j- (45,6%), -к-и (39,6%), -ец- (34,3%), -ц-ы (23,0%). В топоосновах с субстратными формантами чаще других элизируется -га (17,8%), -да (7,3%). Низкая частотность элизии у формантов -иц-а (5,0%), -н-(ый, ая, ое) — 4,7%, -ов-(-ев-) — 1,2%, -ин- (1,0%). Анализируемый материал не выявил адъектонимов, образованных по М-2 от топонимов на -ск- (-цк-), -ник-и, -их-а, -ух-а, -уш-а, -ма, -са, -за, -ла-, -ра -ша, -жа, -ба, -та, -уй(ой).

Адъектонимы, образованные по М-2, встречаются на всей территории великорусской народности, хотя большую частотность проявляют на севере (Белозерское, Костромское, Ярославское княжества, земли Великого Новгорода), центральных землях (Владимирской, Переяславль-Залесской, Дмитровской, Московской).

Третья модель реализуется от 17 структурных типов топонимов: одночленных бессуффиксных (имен существительных и субстантивированных прилагательных); одночленных суффиксальных на -j-, -ск-(-цк-), -н-(ъ, а, о, ы, ый, ая, ое, ые), -ец-, -ц-(е, о), -цы-, -ок-, -ик-, -к-а, -к-и, -ч-, -ищ-, -ла, -ша, -уй(-ой). Ни для одного структурного типа М-3 не является основной. Наибольшее число реализаций эта модель имеет от одночленных бессуффиксных топонимов-существительных (25,8%). Регулярна М-3 от топооснов с формантами -к-и (13,4%), -н- (10,1%), -ок- (7,5%). Незначительно количество адъективных, образованных по этой модели от топонимов на -ец- (0,7%), -ц-(е, о) — 0,5%, -ц-ы (0,3%), -к-а, -ик-, -j-, -ч- (0,4—0,2%). Не обнаружены в деловой письменности русского языка XIV—XVII вв. адъективы, созданные по М-3 от топооснов с формантами -ов-(-ев-), -ин-, -ищ-а, -ищ-ы, -ич-и, -их-а, -ух-а, -уш-а, -щин-а, -га, -ма, -са, -ра, -да, -жа, -ба, -ва, -та. Оттопонимические прилагательные, образованные по М-3, составляют 7,2% от топооснов с субстратными формантами -уй(-ой), 1,0% — от топооснов на -ша, -ла.

Способ ссоединения морфем в М-3 — всегда агглютинация, что вызвано фонемной структурой сложного суффикса, начинающегося гласным. М-3 адъективов встречается на всей рассматриваемой территории.

М-4 имеет 5 реализаций. Она встречается от топонимов на -ин-, -ск-, -н-а, -ок-, -к-и. От всех структурных типов топонимов М-4 составляет низкую частотность: 2,0% (наиболее высокая) у топооснов на -ск-, 0,2% — топооснов на -ин-, -н-. Фактический материал не дал ни одного примера адъектива от топооснов с субстратными формантами, образованного по М-4. Адъективы, созданные по данной модели, встречаем по всей территории великорусской народности. Несколько большая частотность их фиксируется в бассейне Средней Оки, землях Великого Новгорода.

Пятая модель реализуется от 18 структурных типов топонимов. Причем адъективы по этой модели образуются от всех типов топонимов с субстратными формантами, исключая топоосновы на -ба, -уй(-ой). Для топонимов на -ва- эта модель является основной, составляя 50,0%. От топонимов с исконными формантами наиболее часты адъективы от топооснов на -к-и (11,1%). Частотность данной модели от других суффиксальных типов топонимов незначительна: -ищ- — 6,5%, -к-а — 3,0%, -н-(а, о) — 1,0%. Оттопонимические прилагательные, образованные по М-5, распространены на большей части исследуемой территории. Несколько большая частотность их — в Верхотурском и Пелымском уездах.

М-6, как и предыдущие модели с элизирующимися топоформантами, не имеет реализаций от бессуффиксных основ. В данный период модель фиксируется от 6 структурных типов топонимов: -ов-(-ев-), -ск-, -н-, -к-а, -ищ-, -их-а. Частотность модели незначительна: от 3,5% (наивысшая) у топонимов на -ищ- до 0,2% у топонимов на -ск-. Не зафиксированы здесь примеры оттопонимических прилагательных, образованных по М-6 от топонимов с субстратными формантами. Способ соединения морфем в М-4, М-5, М-6 — агглютинация. Ареал распространения адъективных, образованных по М-6, совпадает с ареалом распространения М-5.

М-7 имеет несколько реализаций: от бессуффиксных топонимов-существительных, от топооснов на -н-(ъ, а, о), -ц-ы, -ч-, -ищ-, -га, -са, -да, -ба, -ва, -та, -уй. Частота реализации модели от данных структурных типов — низкая (от 8,9% у бессуффиксных топонимов-существительных до 2,7% у топооснов на -н-(ъ, а, о); 0,4—0,2% у топооснов с формантами -ч-, -ищ-, -ц-ы). У топонимов с субстратными формантами М-7 наиболее частотна от основ на -ва. Способ сочетания морфем в М-7 — агглютинация и фузия. М-7 адъективных встречается на всей исследуемой территории.

М-8 реализуется от структурных типов топонимов на -j-, -к-и. Степень частотности М-8 минимальна: от 0,1% до 0,3%. Фактический материал не дает примеров от топооснов с субстратными формантами. М-8 оттопонимических прилагательных, встречаясь на всей территории великорусской народности, проявляет большую частотность на территории бывшего Белозерского княжества, землях Великого Новгорода.

Девятая модель представлена реализациями от бессуффиксных топонимов-субстантивированных прилагательных, оканчивающихся сочетанием согласных звуков; от топооснов на -ч-, -ра, -ша. Модель непродуктивна и нечастотна: -ша (1,2%), -ра (0,5%), -ч- (0,3%).

Десятая модель имеет реализацию от топонимов с формантом -к-а. Модель нерегулярна. Способ соединения морфем в М-8, М-9, М-10 — агглютинация. М-9 и М-10 встречаются единичными примерами на территории Верхотурского, Рузского, Шацкого, Арзамасского, Пенезжского уездов.

М-11 в исследуемое время имеет 7 реализаций: от бессуффиксных топонимов (существительных и прилагательных), от топооснов на -ов-, -ин-, -ич-и, -ч-, га. Наивысшая частотность М-11 от бессуффиксных топонимов-существительных составляет около 2,0%, минимальная — 0,2% от топооснов с формантами -ин-, -ов-. Способ соединения морфем в М-11 — агглютинация, а в топонимах на

-га- — фузия (чередование). Немногочисленные адъектонимы, входящие к М-11, распространены на всей исследуемой территории.

Образование адъектонимов в XIV—XVII вв. от исконных топонимов осуществляется по 11 моделям, а от топонимов с субстратными по происхождению формантами — по 7 моделям.

Среди оттопонимических производных XIV—XVII вв. встречаем адъектонимы от многочленных названий (двух-, трех-, четырехчленных топонимов). Анализ показывает, что образование адъектонимов от многочленных топонимов зависит не только от структуры каждого из компонентов, но и от характера и степени связи между компонентами, поскольку данные топонимы представляют собой словосочетания. Отношения между компонентами в топонимах-словосочетаниях могут быть атрибутивными, объективными либо объектно-атрибутивными. Образование оттопонимических прилагательных от двусоставных топонимов определительной модели зависит также от степени фразеологизации компонентов. Адъектонимы образуются сложением основ с последующей суффиксацией от двучленных топонимов с высоким уровнем фразеологизации компонентов: от топонимов первой модели со вторым членом — географическим термином или апеллятивом (70,5%): д. Черная Грязь - черногрязевский (1578, ПКМГ, I, 1406). При менее устойчивой связи между компонентами — основной способ образования оттопонимических прилагательных — суффиксация. Суффиксации подвергается компонент, несущий основную семантическую нагрузку. 81,0% адъектонимов от топонимов первой модели со вторым компонентом словом-топонимом образован суффиксацией второго компонента: с. Большие Кемары — кемарские (1660, ХК, I, 131). 76,9% адъектонимов от топонимов второй модели — двучленных словосочетаний с атрибутивными отношениями и обратным порядком слов — образованы суффиксацией первого компонента: г. Волок Ламский — волоцкой (1653, АМГ, II, 350). Степень фразеологизации компонентов здесь минимальная, т. к. второй компонент в этих словосочетаниях — позднейший элемент. От двусоставных топонимов с объектно-атрибутивными отношениями между компонентами адъектонимы образуются сложением с последующей суффиксацией.

Отношения между компонентами в трехчленных словосочетаниях — объективные либо объектно-атрибутивные. Образование адъектонимов от трехчленных топонимов имеет те же закономерности, что и образование оттопонимических прилагательных от двучленных словосочетаний. Адъектонимы от топонимов-предложных конструкций в памятниках XIV—XVII вв. повсеместно образуются суффиксацией.

Суффиксация адъективов от многочисленных топонимов аналогична суффиксации при образовании оттопонимических прилагательных от одночленных дериватов. Ведущее место сохраняет суффикс -ск-. Употребление вариантов суффикса -ск- обусловлено теми же причинами, что и у одночленных топонимов. А на морфемном шве производящей основы и адъективоморфемного суффикса происходят процессы, зафиксированные в оттопонимических прилагательных от одночленных топонимов.

Глава третья — «Морфонологические изменения на стыке словообразовательных морфем в адъективах великорусской народности XIV—XVII вв.» — посвящена описанию морфонологических процессов на стыке словообразовательных морфем в оттопонимических прилагательных русской деловой письменности XIV—XVII вв. и их роли в образовании адъективов. В ней рассмотрены способы сочетания морфем (фузия и агглютинация), морфонологические явления, протекающие на морфемном шве (интерференция, чередование, элизия и инкорпорация), взаимодействие этих явлений, зависимость выбора морфонологического изменения от характера словообразовательных морфем, регулярность и хронологическая распространенность морфонологических явлений.

Для адъективов великорусской народности XIV—XVII вв. характерны два способа сочетания морфем: агглютинация и фузия. Широко встречается агглютинация в прилагательных от топооснов с корневым и суффиксальным типом финали, имеющим фонемное выражение VC (гласный + согласный). Круг финальных согласных, не претерпевающих каких-либо фонемных изменений при присоединении -ск-, ограничен. Сюда не могут быть отнесены мягкие согласные (кроме -j-, Л), веляризирующиеся перед -ск-; твердый Л, смягчающийся перед -ск-; согласные Г, К, Х, Ц, чередующиеся с Ж, Ч, Ш, Щ; согласные Ц, Ч, Д, Т, З, С, подвергающиеся, как правило, интерференции. Агглютинация является регулярным способом соединения морфем в прилагательных от топонимов с исконными формантами -ов- (-ев-), -ин-, -н- (ое, ая, а, о, ы), -ищ-, -уш-а; с субстратными -уй-, -ей-, -ай-, -ма-, -жа-, -ша-, -ра-, -ба.

Фузия, имеющая два способа материального выражения — интерференцию (наложение) и чередование, приводит фонемно несовместимые звуки на морфемном шве в соответствие с артикуляционно-орфоэпическими нормами языка на данном этапе его развития. В оттопонимических прилагательных XIV—XVII вв. фиксируется чистое и ассимилятивное наложение. Прилагательные, фиксирующие чистое наложение, производны от топонимов с исконным топоформантом -ск-: д. Лежайск — лежайский (1635, АЮБ, II, 321).

Единичны здесь адъективы от топооснов с субстратным формантом -са: Ненокса — ненокских (1578, ААЭ, I, 364). Ассимилятивное наложение фиксируется от топонимов с определенным кругом топоформантов, обязательными звуками которых являются Ц, Ч, К (чередующееся с Ч), Т, Д, З. Ассимилятивное наложение представлено в адъективах от топооснов с исконными формантами -ец-, -иц-а, -иц-ы, -ц-ы, -цк-, -ук-, -ик-, -як-, -к-а, -к-и(-ник-и), -ич-, -ач-, -ич-и, -ич-е, -ч-, -т-, -д: сц. Шепец — шепецкий (1571, НПК, V, 458), д. Межток — межтоцкая (1555, ДАИ, I, 120). Примеры от топонимов с субстратными формантами -та, -да единичны. В адъективах XIV—XVII вв. ассимилятивное наложение не характеризуется той строгой последовательностью, что в современном русском языке.

Чередования на морфемном шве характерны для адъективов от обеих групп топонимов (исконных, субстратных). Однако в этих адъективах реализуется чередование по твердости-мягкости, чередование заднеязычных Г, Г' с переднеязычным Ж. Чередования К, К' с Ч; Х, Х' с Ш; Ц с Ч фиксируются в оттопонимических прилагательных от русских топооснов. Чередования фонем не на морфемном шве происходят в адъективах от топонимов с исконными и субстратными формантами. Первая группа представлена примерами от топонимов с формантами -н-(а, о), -ц-ы: г. Балахна — балахские (1562, ФЧ, 207), д. Сельцы — селецкому (1498, АФЗХ, I, 65); вторая — -ма, -ба, -ра, -ла, -жа, -ша, -ва, -да: Ирдыма — ирдомские (1450, АСВР, II, 89), д. Удомля — удомельский (1551, НПК, VI, 644), г. Вологда — вологодские (1448, АСВР, I, 155).

Морфонологические процессы элизии и инкорпорации выполняют роль дополнительных деривационных процессов, устраняющих незакономерные морфемные сочетания. Элизия зафиксирована морфонологическая и фонологическая. Морфонологической элизии подвергаются исконные топоформанты -к-а, -к-и, -ок-(-ек-), -ик-, -ј-, -ец-, -иц-а, -ц-о, -ц-ы, -ич-и, -ич-, -и-о, -и-, -щин-а (-чин-а), -ов-, -ин- и субстратные -га, -ги, -да, -ва, -ши. Регулярно элизируются -к-а, -к-и, -ј-, -ич-и, -ец-: д. Каменка — каменские (1652, ХК, I, 90), г. Велье — вельские (1572, ДДГ, 438), д. Лазаревичи — лазаревские (1665, АЮ, 344). Среди субстратных чаще других элизируется формант -га, -ги: д. Паршенга — паршенский (1637, ФЧ, 356). Фонологическая элизия наиболее частотна в прилагательных от топонимов на -ль, этимологически восходящих к притяжательным прилагательным, образованным суффиксом -ј-, где элизируется вставное Л. Количество элизирующихся формантов различно в разные промежутки времени. Так, в XIV в. оно составило 5,8%, в

XV в. — 36,0%, в XVI в. — 31,5%, в XVII в. — 26,7%. В XIV в. наиболее частотна элизия -ец-, в XV и XVI вв. — -j- и -к-а.

Появление морфем -овск(-евск-), -инск-, -енск-, -анск- в оттопонимических прилагательных встречается от топонимов бессуффиксных и топооснов с исконными и субстратными формантами. В употреблении инкорпорирующихся морфем наблюдается определенная закономерность: морфема -ов(-ев-) инкорпорируется, как правило, после исконных топоформантов, -ин-, -ен- — после исконных и субстратных.

При добавлении к топоосновам адъектонимического суффикса -ск- на морфемном шве протекает интерференция, чередование, элизия, инкорпорация, ассимиляция, диссимиляция. В большинстве адъектонимов эти изменения взаимодействуют: наложение с появлением беглых гласных О, Е, чередованием Г, К, Х с Ж, Ч, Ш, Ц сЧ, чередованием мягких-твердых согласных, с ассимиляцией + чередование беглых гласных О, Е; элизия взаимодействует с фузией (чистое наложение и ассимилятивное по глухости-звонкости), с чередованием гласных О, Е с нулем звука, с чередованием твердых-мягких согласных и т. д.; инкорпорация усложняется чередованием О, Е с нулем звука, чередованием Г, К, Х с Ж, Ч, Ш, частичным наложением (интерференцией), элизией и т. д.

Вышеназванные процессы, протекающие на морфемном шве, призваны приводить полученные звукосочетания в соответствие с фоно-орфоэпической нормой. Фактический материал позволяет сделать вывод, что в адъектонимах от топооснов с субстратными формантами стечение согласных, как правило, снимается чередованием беглых гласных О, Е или инкорпорацией морфем -ин-, -ен-, а в адъектонимах от исконных топонимов или топооснов с исконными формантами — интерференцией или элизией.

В заключении подводятся итоги анализа адъектонимического словообразования в деловой письменности языка великорусской народности XIV—XVII вв.

1. Производящие топонимические основы XIV—XVII вв. представлены большим количеством структурных типов (36) по сравнению с древнерусским топонимиконом. В языке великорусской народности в основном завершается формирование русского топонимикона.

2. Единый адъектонимический суффикс -ск- и развившиеся на его основе сложные суффиксы -овск(-евск-), -инск-, -енск-, -анск-, -еск- оттопонимические прилагательные языка великорусской народности XIV—XVII вв. унаследовали из древнерусского языка. На собственно русской почве (язык великорусской народности) круг

адъектонимических суффиксов не расширился. Высокопродуктивен суффикс -ск-, составляющий 87%. В XIV—XVII вв. возросла по сравнению с периодом древнерусского языка продуктивность суффиксов -овск-(-евск-), -инск-, -енск-, -анск-, -еск-, она составила 13%. Из них наиболее частотен суффикс -овск-(-евск-) — 6,5%.

3. -СК- образует оттопонимические прилагательные от самого широкого круга производящих топооснов — 35. Среди сложных -овск-(-евск-) присоединяется к 17 структурным типам топооснов, -инск- — к 18, -енск- — к 12, -еск- — к 7, -анск- добавляется к ограниченному числу топооснов.

4. Адъектонимы языка великорусской народности образуются по тем же 11 моделям, которые фиксируются в древнерусском языке. Количество моделей осталось прежним, возросла продуктивность моделей со сложными суффиксами.

5. Адъектонимы, образованные от 36 структурных типов топонимов по 11 моделям, составляют систему оттопонимических прилагательных XIV—XVII вв. Эта система должна быть представлена 396 реализациями. Действительное число реализаций в исследуемый период составляет всего третью часть от абсолютного числа реализаций — 127. По сравнению с языком древнерусского периода количество реализаций в языке великорусской народности возросло — и абсолютное, и действительное.

6. Продуктивность и частотность моделей адъектонимов XIV—XVII вв. зависит от сохранения или элизии топоформанта и словообразующего суффикса. По первому признаку продуктивны 6 моделей, в которых элизия отсутствует. По второму признаку продуктивны и частотны модели с простым суффиксом -ск- (М-1, М-2).

7. Универсальной моделью адъектонимов XIV—XVII вв. является М-1, совмещающая сохранение топоформанта и простой суффикс -ск-

8. Оттопонимические прилагательные от исконных топонимов производятся по 11 моделям, а от субстратных — по 7 (исключая М-4, М-6, М-8, М-10).

9. Образование адъектонимов от многочленных топонимов зависит не только от структуры каждого из компонентов, но и от характера и степени связи между компонентами.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Образование оттопонимических прилагательных в деловой письменности русского языка XV — нач. XVII вв. В сб.: «Тези доповідей та повідомлень міжвузівської наукової конференції з питань східнослов'янського іменного словотвору». К., «Наукова думка», 1974, с. 123—124.

2. Из наблюдений над структурой топонимов в языке великорусской народности (на материале деловой письменности русского языка XIV—XVII вв.). В сб.: «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». К., 1975, с. 61—75.

3. О некоторых морфонологических процессах на стыке производящих морфем в адъектонимах (на материале деловой письменности русского языка XIV—XVII вв.). В сб.: «Исследования по русскому языку». К., 1976, с. 98—113.

4. Структура урбонимов в деловой письменности русского языка XIV—XVII вв. В сб.: «Исследования грамматического строя и словарного состава русского языка». К., 1977, с. 76—89.